

ИСТИНА КАК ОСНОВАНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

© 2018

В.А. Лазарева, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
(Самарский университет), Самара (Россия)

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; процессуальная форма; истина; процесс доказывания; презумпция невиновности; состязательность.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о роли и характере истины в уголовном процессе, по поводу которого в теории уголовно-процессуального права не утихают споры и в настоящее время. Между тем, изменения основ уголовного судопроизводства под влиянием внедрения в него принципов состязательности и презумпции невиновности обуславливают пересмотр традиционных представлений не только о цели уголовного процесса, но и о способах ее достижения.

Дифференциация процессуальной формы есть, прежде всего, дифференциация целей и процесса доказывания, в основе которой лежит принцип презумпции невиновности, ставящий цель, правила и результат доказывания в зависимость от позиции обвиняемого. Дифференциация уголовно-процессуальной формы предполагает не только различия в стандартах доказывания, но также в критериях оценки приговора. На основе обозначенного подхода формулируются предложения, направленные на преодоление теоретических разногласий путем стандартизации результатов уголовно-процессуальной деятельности.

Несмотря на отсутствие целостного представления об основаниях дифференциации уголовно-процессуальной формы, к настоящему времени, в России сложились две относительно обособленные системы производства по уголовным делам. В качестве основного критерия, который позволяет выбрать эффективную для конкретного дела форму судопроизводства, предлагается рассматривать цель уголовного процесса – достижение истины или компромисса, зависящую от позиции обвиняемого. В результате проведенного исследования сделан вывод, о том, как дифференциация процессуальных форм влияет на реализацию принципов уголовного судопроизводства. В работе показано, что современную систему уголовного судопроизводства России нельзя представить без упрощенных процедур.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос об истине до сих пор является краеугольным в научных дискуссиях о направлении совершенствования уголовного судопроизводства. Практически каждый, пишущий об истине, автор имеет по нему либо собственную позицию, либо собственную аргументацию. Но – позволим себе каламбур – истина по вопросу об истине так и не обнаружена. Споры об истине в уголовном процессе не случайны. С истиной ассоциируется такой результат уголовно-процессуальной деятельности, который способен придавать итоговому решению «достаточный моральный авторитет» [1, с. 236], позволяющий принимать это решение как справедливое. Поэтому история уголовного процесса есть развитие его форм, зависящее от изменяющихся представлений о справедливости и способах ее достижения.

Современное состояние российского уголовного процесса характеризуется как неустойчивое. Стремясь к установлению баланса публичных и частных интересов, законодатель бесконечно колеблется, склоняясь под влиянием тех или иных, бесспорно правильных в каком-то смысле, побуждений то в одну, то в другую сторону. Система уголовного судопроизводства потому и не сбалансирована, что стремясь к целостности, она не в состоянии ее обеспечить.

Наличие потребности в дифференцировании форм производства по уголовному делу сегодня, кажется, уже не вызывает сомнений, хотя по вопросу об основаниях дифференциации и количестве дифференцированных форм немало разногласий. Существенно различающиеся между собой, они, тем не менее, образуют единую систему и подчинены единым принципам, хотя следо-

вать им в равной мере не в состоянии. Провозгласив, к примеру, в качестве принципа правило о свободной оценке доказательств, мы не обеспечили ее ни в советский, ни в настоящий период, поскольку, последовательно ужесточая требования к допустимости доказательств и усложняя порядок производства следственных действий, мы фактически узаконили именно формальный подход к оценке доказательств. Во главу угла поставлен его величество протокол, соблюдение правил оформления которого служит главным критерием оценки его содержания, хотя далеко не всегда обеспечивает достоверность доказательства.

Признав состязательность в качестве принципа уголовного процесса, мы не обеспечили реального равноправия сторон, поскольку строгая формализация порядка получения доказательств исключает или, как минимум, значительно ограничивает возможность участия в процессе доказывания обвиняемого и его защитника. Последние по понятным причинам лишены возможности производить следственные действия, но и сведения, собранные доступными им способами, не признаются доказательствами, несмотря на то, что предоставленное законом право участников процесса представлять доказательства ничем не оспаривается.

При этом, мы наблюдаем стремление сохранить именно объективную, а не формальную истину в качестве цели и достижимого результата уголовного судопроизводства не только в теории, но и на уровне законодательных предположений [2], а в реальном законе и на практике имеем устойчивую тенденцию к серьезному упрощению уголовного процесса с его отказом от полного, всестороннего и объективного исследования

обстоятельств совершенного преступления в суде, а в случае применения главы 32.1 УПК – и досудебного производства.

Цель работы – установление роли и характера истины в уголовном процессе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как бы мы ни относились к упрощению процессуальной формы, критикуемой многими за неспособность обеспечить достижение истины, тенденция к рационализации судопроизводства продолжает набирать обороты. Так, в феврале текущего года были опубликованы «Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации», подготовленные рабочей группой Центра стратегических разработок совместно с Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге [3]. Документ, хотя и является преимущественно судостроительным, задает параметры будущих изменений и в сфере уголовного судопроизводства. Для рационализации судебного процесса и процедур предполагается, в частности, предусмотреть в УПК оглашение в заседании только вводной и резолютивной частей приговора по всем статьям УК; более широко применять правило об изготовлении мотивировочной части решения лишь по запросу стороны; ввести аудиозапись как основное средство фиксации хода судебного заседания. Протокол, становящийся в связи с этим дополнительным средством фиксации, предлагается составлять в сокращенной форме, отражающей лишь минимальный объем сведений о ходе судебного заседания. При этом полный письменный протокол не может служить заменителем аудиозаписи даже в случае ее технической невозможности, которая в таком случае послужит основанием для отложения судебного заседания или объявления перерыва [3].

Эти вполне оправданные, на наш взгляд, предложения затрагивают фундаментальные основы уголовного судопроизводства. Отказ от составления мотивировочной части решения, реализованный в настоящее время в делах упрощенного производства, означает отказ от анализа и оценки доказательств и в тех случаях, когда доказательства в судебном разбирательстве исследовались. С суда фактически снимается ответственность за обоснованность приговора. Судья, не обязанный мотивировать свои выводы, становится более свободным в принятии решения, что имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Не оценивая общую обоснованность этих предложений или целесообразность отдельных изменений, и не повторяя ранее неоднократно высказанного отношения к концепции объективной истины [4–7] и к упрощенным процедурам [8; 14], зафиксируем главное – стремление уголовного судопроизводства к развитию в двух разных направлениях. С одной стороны, с момента принятия УПК РФ отчетливо прослеживается стремление к реализации максимальных процессуальных гарантий, сконцентрированных в главе 2 УПК. С другой, мы наблюдаем стремление к рационализации производства, к процессуальной экономии, сопряженным с отказом от неоправданно сложных форм и сопутствующих им процессуальных гарантий. Отсюда и раз-

двоение уголовно-процессуального сознания. Мы критикуем упрощенное производство за недостаточные гарантии, несоответствие принципам уголовного процесса, сложные же формы все время пытаемся усовершенствовать, а значит еще более усложнить. При этом практика применения и тех и других нам одинаково не нравится.

В сложившейся ситуации дифференциация стандартов доказанности в том числе применительно к основному вопросу уголовного судопроизводства – виновности лица в совершении преступления, задача вполне логичная, обоснованная, необходимая, а главное, своевременная, и даже можно сказать, частично уже реализованная.

Поясним сказанное.

Процедура производства по уголовному делу (процессуальная форма) обусловлена потребностью установления юридически значимых признаков преступления и его субъекта. Опуская всем известные истины, формулируем главное: степень сложности процессуальной формы, необходимой для установления обстоятельств совершенного преступления, зависит исключительно от степени сложности изобличения лица, его совершившего. Возможность достижения этой цели – изобличения виновного – разными средствами и определяет существование разных по своей сложности форм уголовно-процессуальной деятельности.

Сложность доказывания виновности во все времена соотносилась и продолжает соотноситься с наличием или отсутствием признания вины. Историческая неразвитость способов установления обстоятельств преступления и незрелость представлений о ценности человеческой личности естественным образом делали правосудие зависимым от признания, побуждая прибегать к пытке, как способу дознания. Однако развитие общества не могло не привести к пониманию, что данное под пыткой сознание не имеет никакой цены, и что инстинктивное стремление избавиться от физических страданий может понудить человека сознаться в несуществующей и даже невозможной вине [15], поэтому уже Сводом законов Российской империи «признание, učinенное вне суда, почиталось недействительным», запрещалось чинить пристрастные допросы, истязания, жестокости, а на суд возлагалась обязанность «склонять обвиняемого к сознанию увещеваниями и уликами» [16, с. 206].

Продолжающееся изменение отношения к значению признанию вины отразилось затем на принципах, лежащих в основе Устава уголовного судопроизводства 1864 г.: обвиняемый имеет право на защиту и не обязан свидетельствовать против себя [17]. Право не показывать против себя рассматривается как основание считать признание доказательством; сделанное свободно, без принуждения, оно подлежит оценке наравне с прочими доказательствами.

Принципы эти сохраняют значение по сей день, но отношение к признанию вины все так же двойственно. С одной стороны законодатель требует бесспорной доказанности обвинения (требование обоснованности приговора), с другой, опираясь в особых порядках на признание вины (согласие с подозрением или обвинением), существенно ослабляет эту строгость требований к объективной доказанности обвинения.

В этом противоречии, собственно, и проявляется характер современного уголовного процесса России, публичная сущность которого тяготеет к объективной истине, установление которой считается обязательным условием разрешения уголовного дела, а состязательная считает приемлемым использования в качестве альтернативы разрешение уголовного дела по соглашению сторон. В одном случае производство по уголовному делу стремится к выявлению истины, во втором – к достижению компромисса [18].

В итоге к настоящему времени в России уже сложились две относительно обособленные системы производства по уголовным делам, и хотя целостного представления об основаниях их разграничения по многим причинам еще не сформировалось, мы вполне четко можем назвать тот критерий, который позволяет выбрать эффективную для конкретного дела форму судопроизводства.

Этот выбор в значительной мере предопределен позицией обвиняемого. Согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением как проявление диспозитивности, свойственной состязательному процессу, означает прекращение спора по вопросу, определяющему предмет судебного разбирательства, в данном случае о виновности и, таким образом, устраняет необходимость ее доказывания. Именно поэтому в структуре особого порядка судебного разбирательства нет судебного следствия как формы исследования представленных сторонами доказательств. Обвинительный приговор здесь основан на презумпции виновности лица, которое имея право оспаривать обвинение, отказалось от его реализации. Оправдательный приговор в таком процессе невозможен, поэтому на случай возникновения у суда сомнений в правдивости или добровольности признания законом предусмотрена процедура перехода к общему порядку судебного разбирательства.

Обвиняемый, считающий себя невиновным, защищен презумпцией невиновности. Достоверная доказанность виновности обвиняемого является в этом случае единственным основанием постановления обвинительного приговора. Основанный на доказательствах результат чаще всего и принимают за объективную истину, хотя, строго говоря, он таким может и не являться. Поэтому приговор, вступивший в законную силу, лишь презюмируется как истинный [7; 19], а закон предусматривает возможность его отмены как в кассационном и надзорном порядке, так и при появлении новых или вновь открывшихся обстоятельств. Презумпция истинности приговора как антипод презумпции невиновности, на что указывал И.А. Либус («презумпция невиновности превращается в свою противоположность, а именно в презумпцию истинности приговора») [20, с. 5], фактически означает презумпцию виновности. Судья, постановивший приговор, может быть искренне убежден в соответствии действительности достигнутого в ходе судебного следствия знания, это знание может быть объективным, если судья принял меры к всестороннему исследованию доказательств, однако утверждение, что полученное знание соответствует действительности, ошибочно. По справедливому замечанию А.В. Смирнова, «для того, чтобы абсолютно точно выяснить, соответствует ли какое-либо доказательство действительности, недостаточно исследовать лишь са-

ми доказательства – необходимо каким-то образом исследовать и саму действительность» [1, с. 17], что, как все понимают, невозможно.

Оправдательный приговор, в отличие от обвинительного, ни истинного, ни достоверного знания не требует. Согласно ст. 14 УПК РФ, обвиняемый считается невиновным, пока не доказано обратное. Поэтому при недоказанности обвинения суд обязан вынести оправдательный приговор, даже если невиновность подсудимого не подтверждена доказательствами. Объективная истина в этом случае, что очевидно, не установлена, но приговор не перестает от этого быть законным и обоснованным.

ВЫВОДЫ

Таким образом, разделение уголовно-процессуальной формы на два дифференцированных вида в зависимости от цели производства в действительности имеет своим основанием отношение лица, обвиняемого в совершении преступления, к утверждению о его виновности. Исходя из этого, можно определять стандарты доказывания. Необходимое условие или, вернее, единственное основание постановления обвинительного приговора при наличии спора о вине – достоверная доказанность обвинения. Отрицание обвиняемым своей виновности в совершении преступления требует предоставления ему всяческих гарантий, вытекающих из презумпции невиновности, высоких стандартов доказанности обвинения (доказанность вне разумных сомнений), сложных форм собирания и проверки доказательств. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов обвиняемого в полной мере лежит на обвинителе. Оправдательный приговор – естественное следствие недоказанности обвинения.

Отсутствие спора о вине позволяет разрешить уголовное дело на основе соглашения сторон, компромисса. Обвинительный приговор, являющийся результатом соглашения сторон, не претендует на истину в качестве своего основания и не преследует достижение такой цели. Отсюда отсутствие потребности в сложных формах доказательственной деятельности. Доказывание ограничивается событием преступления, основная обязанность суда – убедиться в добровольности и осознанности признания, соблюдении тех прав обвиняемого, которые позволяют ему действовать осознанно и добровольно. Отказ обвиняемого от оспаривания обвинения означает принятие им бремени последствий, отсюда и ограничение оснований для оспаривания приговора.

При таком раскладе результаты уголовного судопроизводства действительно «определяются усилиями самих участников процесса» [1, с. 237], а бремя доказывания распределяется справедливо и рационально. Справедливость результата во всех случаях обеспечивается презумпцией невиновности, гарантирующей обвиняемому свободу выбора своей позиции.

В завершение. Нет сомнений, что рациональность производства и развитая система процессуальных гарантий одинаково ценны для решения стоящих перед уголовным процессом задач. Но невозможно с одними и теми же критериями подходить к оценке приговора, постановленного без исследования доказательств по уголовному делу, например, поступившему в суд с обвинительным постановлением после производства

дознания сокращенной форме, и приговора по сложному уголовному делу, поступившему в суд с обвинительным заключением. В первом случае не могут быть полностью реализованы принципы уголовного процесса и общие условия судебного разбирательства, во втором они не могут быть реализованы. Мы же критикуем упрощенные процедуры именно за несоответствие принципам, хотя и в сложных делах часто довольствуемся лишь формальным соответствием этим принципам. В результате недорабатываем там, где это действительно необходимо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М.: Норма, 2018. 240 с.
- РФ. Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Следственный комитет Российской Федерации. URL: sledcom.ru/document/1136.
- Бочаров Т.Ю., Волков В.В., Воскобитова Л.А., Дмитриева А.В., Смола А.А., Титаев К.Д., Цветков И.В. Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации. М.: ЦСР, 2018. 116 с.
- Александров А.С. Критика концепции объективной истины в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 6. С. 66–73.
- Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1955. 384 с.
- Теория уголовного процесса: состязательность. Ч. 1. / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2013. 368 с.
- Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2012. 496 с.
- Ветрова Г.Н. К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы досудебного производства // Государство и право. 2015. № 3. С. 37–50.
- Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 131–139.
- Якулин В. Упрощенные формы производства в уголовно-процессуальном законодательстве Словении // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2013. № 6. С. 387–395.
- Доля Е.А. К вопросу об истине в уголовном судопроизводстве России // Российский следователь. 2011. № 22. С. 9–13.
- Доля Е.А. Проблемы истины в современном уголовном судопроизводстве России // Современные проблемы развития уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности: сборник трудов конференции. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2013. С. 9–12.
- Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокарев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1980. 252 с.
- Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.
- Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. 2-е изд., изм. и доп. СПб.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1914. 603 с.
- Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Тип. А.П. Поплавского, 1908. 288 с.
- Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Классика Российского права. URL: civil.consultant.ru/sudeb_ustav/.
- Кувалдина Ю.В. Компромисс как способ разрешения уголовно-правовых конфликтов в России. М.: Юстиция, 2016. 252 с.
- Мурашкин И.Ю. Истина в уголовном судопроизводстве // Вестник Омского юридического института. 2011. № 3. С. 54–56.
- Либус И.А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент: Узбекистан, 1981. 136 с.

REFERENCES

- Smirnov A.V. *Formalnye sredstva dokazyvaniya v ugolovnom prave i protsesse* [Formal evidentiary facts in criminal law and procedure]. Moscow, Norma Publ., 2018. 240 p.
- RF. Draft federal law “On amendments being made to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the institute of establishment of objective truth in a criminal case”. (In Russian)
- Bocharov T.Yu., Volkov V.V., Voskobitova L.A., Dmitrieva A.V., Smola A.A., Titaev K.D., Tsvetkov I.V. *Predlozheniya po sovershenstvovaniyu sudebnoy sistemy v Rossiyskoy Federatsii i izmeneniya normativnykh aktov v tselyakh ikh realizatsii* [The proposals for improving the judicial system in the Russian Federation and the amendments of normative acts with the purpose of their implementation]. Moscow, TsSR Publ., 2018. 116 p.
- Aleksandrov A.S. Criticism of the objective truth concept in criminal procedure. *Ugolovnyy protsess*, 2012, no. 6, pp. 66–73.
- Strogovich M.S. *Materialnaya istina i sudebnye dokazatelstva v sovetskom ugolovnom protsesse* [The material truth and judicial evidence in the Soviet criminal process]. Moscow, AN SSSR Publ., 1955. 384 p.
- Kolokolov N.A., ed. *Teoriya ugolovnogo protsessa: sostyazatel'nost'* [The theory of criminal process: competitiveness]. Moscow, YurLitinform Publ., 2013. Ch. 1, 368 p.
- Kolokolov N.A., ed. *Teoriya ugolovnogo protsessa: prezumptsii i preyuditsii* [The theory of the criminal procedure: presumptions and prejudices]. Moscow, YurLitinform Publ., 2012. 496 p.
- Vetrova G.N. To the question of differentiation of the criminal procedural from of pre-trial proceedings. *Gosudarstvo i pravo*, 2015, no. 3, pp. 37–50.
- Trubnikova T.V. Limitations to criminal procedure simplification. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2015, no. 12, pp. 131–139.

10. Yakulin V. Simplified forms of proceedings in the criminal procedure legislation of Slovenia. *Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendentsii*, 2013, no. 6, pp. 387–395.
11. Dolya E.A. On the question of the truth in criminal proceedings of Russia. *Rossiyskiy sledovatel*, 2011, no. 22, pp. 9–13.
12. Dolya E.A. The problems of truth in contemporary criminal proceedings. *Sovremennye problemy razvitiya ugolovnoy protsessy, kriminalistiki, operativno-rozysknoy deyatelnosti: sbornik trudov konferentsii*. Moscow, Akademiya Generalnoy prokuratury RF Publ., 2013, pp. 9–12.
13. Alekseev N.S., Daev V.G., Kokarev L.D. *Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugolovnoy protsessy* [Essay on the Development of the Soviet criminal procedure science]. Voronezh, Voronezh. un-t Publ., 1980. 252 p.
14. Zhogin N.V., ed. *Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugolovnom protsesse* [The theory of evidence in the Soviet criminal trial]. 2nd ed., ispr. i dop. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1973. 736 p.
15. Rozin N.N. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal proceedings]. 2nd ed., izm. i dop. Sankt Petersburg, Izd. yurid. kn. sklada «Pravo» Publ., 1914. 603 p.
16. Dukhovskoy M.V. *Russkiy ugolovnyy protsess* [Russian criminal trial]. Moscow, Tip. A.P. Poplavskogo Publ., 1908. 288 p.
17. Statute of Criminal Procedure of 1864. *Klassika Rossiyskogo prava*. URL: civil.consultant.ru/sudeb_ustav/.
18. Kuvaldina Yu.V. *Kompromiss kak sposob razresheniya ugolovno-pravovykh konfliktov v Rossii* [Compromise as a method of resolution of criminal legal conflicts in Russia]. Moscow, Yustitsiya Publ., 2016. 252 p.
19. Murashkin I.Yu. The Truth in Criminal Proceedings. *Vestnik Omskogo yuridicheskogo institute*, 2011, no. 3, pp. 54–56.
20. Libus I.A. *Prezumpsiya nevinovnosti v sovetskom ugolovnom protsesse* [Presumption of innocence in Soviet criminal procedure]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1981. 136 p.

THE TRUTH AS A GROUND FOR THE DIFFERENTIATION OF A FORM OF ACTION

© 2018

V.A. Lazareva, Doctor of Sciences (Law), professor of Chair of Criminal Procedure and Criminal Science
Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: criminal proceeding; form of action; truth; proof proceeding; presumption of innocence; competitiveness.

Abstract: The paper considers the question of the role and nature of the truth in criminal procedure, in respect of which the arguments continue at present in the theory of criminal procedure law. However, the changes of fundamental principles of the criminal proceeding under the influence of the introduction of the adversarial principle and the principle of presumption of innocence in it cause the revision of the traditional wisdom both about the goal of criminal procedure and the ways of its achievement.

The differentiation of form of action is initially the differentiation of the goals and the proof proceeding based on the principle of presumption of innocence making the goals, rules and the result of evidence conditional on the position of a defendant. The differentiation of criminally-remedial form of action involves both the differences in the standards of proof and in the criteria of evaluation of a sentence as well. Based on the specified approach, the author formulates the proposals aimed at the overcoming of theoretic differences by standardization of the results of the criminally-remedial activities.

Despite the absence of the whole picture of reasons for the differentiation of criminally-remedial form, two relatively independent systems of criminal proceedings have been formed in Russia by now. As a major criterion that allows selecting the form of action efficient for a certain case, it is offered to consider the goal of the criminal proceeding – reaching the truth or compromise – depending on the position of a defendant. In the result of the study, the author makes the conclusion on how the differentiation of forms of action influences the implementation of the criminal proceeding principles. The paper shows that the modern system of criminal proceeding of Russia cannot be described without simplified procedures.